СУПЕР ПАНАМАКС

ЛЕВ ТИЛЬ

Лев Тиль

СУПЕРПАНАМАКС

https://litres.ru/74695899
SelfPub; 2026

Аннотация

Панамакс - это судно, проходящее через шлюзы Панамского канала. Но почему "Супер"? И причём тут мост на горизонте? Ответ - внутри. Эта история не про сталь и бетон. Она о людях и империях. О закате одних и восходе других.

Публикуется по главам.

Содержание

Глава 1 4

Лев Тиль
СУПЕРПАНАМАКС

Глава 1

Нью-Йорк, 07:42

— …семь сорок две по восточному времени. Доброе утро, Нью-Йорк и окрестности! С вами «Первый час» на волнах «Америка-1». В районе острова сейчас семьдесят пять1[1], лёгкая облачность и пробки, пробки, пробки! На пересечениях с 84-й по 96-ю и Пятой авеню — традиционный ад. Так что, если вы уже в дороге, выбирайте маршруты объезда…

Восемьдесят шестая дышала горячим асфальтом и выхлопными газами. Забитые до отказа полосы — жёлтые такси, фургоны доставки, велосипедисты-камикадзе, снующие между ними, как электроны в перегретом чипе. Жители Нью-Йорка и пригородов спешили, нервничали, били по клаксонам. На перекрёстке — толпы людей в ожидании светофора, уткнувшись в телефоны. Обычное утро — всем куда-то нужно успеть.

Со стороны Мэдисон по 86-й в направлении Пятой, конвульсивно проталкиваясь через затор, полз трёхосный мусоровоз — тридцать тонн стали с панорамным остеклением и

[1] 75 °F ≈ 24 °C

дизельным сердцем. Кабина низкая, кузов — высотой с двухэтажный дом. Обзор — как у бога. Только бог, похоже, на эту дорогу сегодня не глядел.

Водитель, позёвывая — видимо, с ночной смены — с надеждой всматривался в сигнал светофора. В кабине — местное радио: отвратительно бодрый голос диктора лился из динамиков как сироп, ровно гудел двигатель. Нога на тормозе. Впереди — красный. Рядом — серая «Хонда», пассажир что-то печатает в телефоне. Кофе в термокружке давно остыл. Он всё равно сделал глоток — горько, тепло, невкусно.

Светофор мигнул. Жёлтый. Через секунду — его зелёный. Наконец-то. Бросить тормоз, плавно дать газу… Шестиступка Эллисон лениво перещелкивает передачи, и вот железный бегемот уже закладывает вираж влево на Пятую. «Хонда» — в соседнем ряду.

Сначала он подумал, что заснул и пролетевший мимо носа чёрный «Юкон» ему снится. Провалившаяся в пол педаль тормоза тоже не ощущалась взаправду. На этом сюрреализм не закончился. Точно такой же внедорожник отскочил от него вперёд — на тротуар, зацепившись за бордюр, перевернувшись на бок и пробив ограду парка. Грузовик развернуло влево, под колёсами захрустело, лобовые стёкла пошли трещинами. Через мгновение — удар справа сзади. В зеркале он увидел, как замыкающий джип на полном ходу воткнулся в железные рёбра кузова.

Время почти остановилось. Звон в ушах, запах жжёной резины, асфальта и разлитого дизеля. И та самая, оглушительная тишина вокруг.

Водитель вылез из грузовика, обошёл кабину спереди. Несколько человек из первого «Юкона» вытаскивали пострадавших из перевернутой машины на тротуаре. Те, что были в третьей — еле живые — выползали сами.

Предъявлять здесь было нечего и некому. Судя по дорожной обстановке, оба потока — и с 86-й, и с Пятой — ехали на свой зелёный. Вокруг мусоровоза — ещё несколько менее масштабных столкновений.

Через пару минут метрах в пятидесяти от обочины в направлении 85-й отъехал серебристый седан с тонированными задними окнами.

Подоспели полиция, пожарные и скорые. Эвакуаторы убирали с проезжей части разбитые машины. Уцепившись за проушины спереди, мусоровоз утащили тягачом. Город, словно обернувшись на ходу, — поглазеть на происшествие — поспешил дальше своей дорогой.

В Балтиморе утро отдавало бензином, солоноватой водой и бог знает чем — не самым приятным — ещё. Чёрный «Субурбан» с номерными знаками округа Колумбия и тонированными стёклами двигался по мосту в сторону Ди-Си2[2]. Сенатор от штата Мэриленд, Уильям «Билл» Харди, сидел на

[2] DC – District of Columbia, Вашингтон, округ Колумбия

заднем сиденье и глядел по сторонам. Сорок восемь, виски с проседью, дорогой костюм, рубашка без галстука — чтобы казаться проще, на голове… шляпа-невидимка — ковбойская. По крайней мере в голове — ощущение, что она точно ему пойдёт. Рядом, на пассажирском, — его советник, Ник Коул, за сорок, в очках с тонкой оправой и планшетом на коленях.

Переправа под колёсами гудела. Низко, басовито. Металл устал и будто просил пощады.

— Господи, — бросил Харди. — Опять это ржавое убожество!

Он говорил это не в первый раз. И не в последний. Мост подкрашивали, латали, заделывали выбоины. Но ржавчина возвращалась. И с каждым годом проникала глубже.

— Видишь эти опоры? — Харди кивнул вправо. — Они держатся на честном слове. Я езжу здесь каждый день. Утром и вечером. И каждый раз молюсь про себя.

Не отрывая взгляда от планшета, Коул отозвался:

— Может, пора что-то с этим сделать, сенатор?

— Что? Конгресс не даст денег на новый мост, если старый ещё стоит. Ты же знаешь эти игры. Пока не прихватит за задницу — никто не почешется.

Коул на секунду поднял глаза. Посмотрел на сенатора. Потом снова уткнулся в планшет.

— Знаю, — пробормотал он. — Просто мысли вслух.

Он был из тех, кого в Вашингтоне называют «сотрудни-

ками аппарата» — не просто помощниками, а людьми, которые знают, где находятся ключи от всех дверей. Коул проработал на Капитолийском холме почти двадцать лет. Начинал с того, что отвечал на письма избирателей. Потом стал помощником по законодательству: готовил законопроекты, писал речи. Именно такие люди — первые, с кем общаются представители заинтересованных сторон. К ним приходят с цифрами, аргументами и конвертами. Ник Коул знал эту кухню изнутри.

Харди посмотрел на часы. Половина девятого.

— Что у нас сегодня?

Коул не отрывался от планшета:

— Завтрак с фармацевтами, «Капитолий Гриль». Потом комитет по транспорту. Днём — избиратели, приёмные часы.

— Сколько?

— Часов? Минимум три. Хотите, чтобы я перенёс что-то?

— Нет. Просто хотел узнать, как долго предстоит растягивать лицо в улыбке.

Он повернулся к советнику и изобразил несколько гримас — от нейтральной до пугающей.

— Видишь, уже разминаюсь.

Коул промолчал. Он знал это настроение. Сенатор не был в ярости или в унынии — он был в той серой зоне, когда не понятно, чего от него ждать. И от этого становилось немного не по себе.

Через час с небольшим «Субурбан» припарковался у ресторана на Коннектикут-авеню. Харди вылез, поправил пиджак. Коул шёл следом, на полшага позади — привычка, выработанная годами.

В зале их ждали четверо: вице-президенты по взаимодействию с госорганами двух крупных производителей, директор по вопросам политики отраслевой ассоциации. И бывший конгрессмен — ныне «консультант» в одной из фирм на K-стрит, с крупным перстнем на правом мизинце. Коул знал их всех — имена, должности. И расценки.

— Сенатор, — старший из присутствующих поднялся навстречу. — Спасибо, что нашли время.

— Всегда рад, — искренне улыбаясь, соврал Харди.

Они сели. Кофе, яичница, тосты. Разговор пошёл по накатанной: законопроект о налоговых льготах, поправки, голоса в комитете. Харди кивал, задавал правильные вопросы, иногда хмурился — как будто взвешивал. На самом деле он думал о том, что через два часа у него комитет, а он ещё не читал бриф. Коул читал. Знал наизусть. За это Боб, мягко говоря, не обижал его по деньгам. Коул не спрашивал, откуда они. Просто знал: если уйдёт Боб — конец всему. Без Харди он — просто человек с планшетом.

Когда принесли счёт, старший — тот, что с перстнем — достал конверт. Положил на стол. Не открывая.

— Тут небольшое пожертвование. От партнёров, в ваш фонд.

Харди взглянул на конверт. Потом на Коула. Тот едва заметно кивнул.

— Передайте партнёрам благодарность, — сказал сенатор.

Конверт исчез в кармане пиджака. Никто не улыбнулся. Все понимали — это инвестиция, законная и безупречная по форме. По сути — подношение. В Вашингтоне такие вещи уклончиво называют «поддержкой». И все причастные спят спокойно.

Они вышли на улицу. День набирал силу, город гудел. Коул достал телефон, проверил сообщения.

— В одиннадцать комитет, — напомнил он. — В повестке — поправки по финансированию инфраструктуры. Председатель будет спрашивать про мосты.

Харди остановился. Обернулся.

— И что мне ему сказать?

— Скажите правду. — Коул убрал телефон. — Вы каждый день проезжаете «ржавое убожество» и говорите, что молитесь про себя. Думаю, время пришло.

Харди смотрел на него секунду дольше, чем обычно.

— Пожалуй, ты прав. — Он помолчал. — К чёрту всё! Я подниму вопрос.

Они пошли к машине. Коул шёл следом. Как всегда, чуть позади. Но в этот момент думал не о комитете. После слов сенатора в голове непроизвольно выстраивался список… интересантов.

Серебристый «Форд» подъехал к шлагбауму в районе Ред-Хук в десять двадцать. Система считала номера и открыла проезд. Машина плавно заехала на территорию под вывеской «Техническая экспертиза Хартман & Бейкер». Красно-белая стрела опустилась за ней автоматически — датчик на бампере, ничего лишнего.

Фил Хартман вышел из машины. Ему льстило, что его фамилия в названии конторы стояла первой, партнёру же — Тому Бейкеру — похоже, было всё равно. Он размял шею. Дорога от Манхэттена заняла больше, чем он ожидал — всё из-за аварии на магистрали Бруклин-Куинс. Но к ней он, конечно, не имел абсолютно никакого отношения.

Большой бокс — бывший склад из кирпича, с бетонным полом и высокими потолками — был заставлен оборудованием. Микроскопы, спектрометр, оборудование неразрушающего контроля, гидравлический пресс, стенд для испытания на растяжение, верстаки с инструментом. Всё чистое. Где нужно — промасленное и откалиброванное. Пахло машинным маслом и металлом, снаружи доносился гул компрессора, где-то внутри негромко травил сжатый воздух. Всё на своих местах. Лаборатория, в которой можно разобрать по косточкам любой отказ техники — от усталости металла до сбоя электроники.

В дальнем углу — отгороженная зона. Стекло, жалюзи, столы, мониторы. Офис.

За ноутбуком — Том с чашкой кофе.

— Как прошло? — спросил он, не поднимая глаз.

— Как по маслу, — ответил Хартман, усаживаясь напротив.

— Смогут что-нибудь разнюхать?

— Только то, что положено.

Бейкер поднял взгляд на Фила.

— С тормозами пришлось повозиться — установили фиксаторы на пружины аварийных тормозов. Несколько железяк, которые никому и ни о чём не скажут.

— А светофоры?

— Светофоры — отдельная история.

Том заметил, что Фил светится от гордости.

— Сигналы по всему перекрёстку закрыли светодиодными матрицами. Когда не работают — они прозрачные. Когда надо — включаешь нужный цвет или затемнение. Просто выждали. Там всегда пробка. Всё, что было нужно — синхронизировать момент.

— И никто не заметит?

— Никому в голову не придёт проверять стёкла. Через пару дней приедет бригада. Ночью. Обслуживание светофора. Пять минут — и ничего нет.

Том понял, что напарнику нужно польстить:

— Как ты до такого додумался?

— Я ещё много чего знаю и умею, — отозвался Фил. И не без оснований.

— А вот меня всегда поражало — отвесил встречный реверанс Хартман — как ты, Том, находишь заказчиков на такой блудняк и как определяешь, по чью мы сторону баррикад?

— Всё очень просто, — бросил Бейкер. — Кто платит — на того и работаем. Или на того, кто платит больше.

В этой лёгкой, почти дружеской перепалке угадывалась модель их нехитрого бизнеса. Хартман — технарь и опытный эксперт, на Бейкере — работа с клиентами. Первого отличала широта и глубина познаний. Второй умел тонко чувствовать, когда людям требуются услуги особого рода.

— А где Джейн? — оглядевшись вокруг, спросил Фил.

— В суде, на Сентр-стрит.

— Что она там делает?

— Зачитывает твоё заключение. — Том развёл руками. — Потом, наверное, помчит по магазинам, может встретится с кем-нибудь из подруг, засядут в «Спринг». Не знаю, что там ещё у неё на уме…

— Полагаю, до понедельника могу откланяться. — Хартман подошёл к кофемашине, нажал «капучино».

— Конечно, без проблем. Ты последние дни плотно впахивал. Какие планы на уик-энд? — Спросил Том.

— День рождения дочери. Был позавчера. Празднуем в субботу.

— Передавай от меня поздравления.

Фил смутно ощущал вину за то, что случилось утром на

Манхэттене. Хоть никто и не погиб — он сделал для этого всё возможное — ему хотелось ненадолго «залечь на дно». Бейкер понимал. И не препятствовал.

— Посмотри, какие круги пойдут по воде, — сказал Фил, включая телевизор.

На экране — новостная лента. Заголовок: «Крупное происшествие в Верхнем Ист-Сайде. Есть пострадавшие».

— Если что — дам знать, — отозвался Том.